

ЛАТЫШСКАЯ КНИГА ОТ ИСТОКОВ ДО КОНЦА XIX ВЕКА И ЕЕ ЧИТАТЕЛЬ *

А. А. АПИНИС
(Рига)

Латышское книжное дело достаточно развито для того, чтобы полно представить необходимый для изучения материал. Однако, количество книг и фактов не настолько велико, чтобы оказаться необъятным для исследователя. История латышской книги и читателя несколько столетий, до конца XIX века, протекала как бы в «лабораторных условиях» — сначала замедленным темпом, потом, во второй половине XIX века, значительно быстрее, чем у народов с «нормальной» историей. Поэтому нам представляется, что знакомство с некоторыми явлениями из истории латышской книги может иметь определенный интерес и для книговедения других народов.

Своеобразный путь латышской книги был обусловлен завоеванием Латвии в XIII веке немецкими крестоносцами. Когда Великое княжество Литовское переживало расцвет, Латвия стала колонией. До середины XIX века было задержано образование латышской нации и — факт первостепенной важности для процесса, называемого книжным делом, — латыши веками были народом без своей интеллигенции. До середины XIX века книгу на латышском языке писали только прибалтийско-немецкие и польские священники, придавая печатной информации классовую ориентацию в целях защиты интересов эксплуататоров-помещиков. Издавали книгу местные немецкие печатники — представители буржуазии.

В виде гипотезы можно предположить, что к началу XIII века на территории Латвии существовали примитивные системы фразографически-логографического письма для фиксирования торговых операций, права собственности, космогонических представлений, магических формул и т. д. Как предмет, ввозимый из Руси, была известна и книга, о чем свидетельствует славянское происхождение ее латышского названия „grāmata“. В Латвии назрела необходимость введения письменности (возможно — славянской): появились первые государственные образования, начало распространяться православие. Но эта необходимость не успела осуществиться в связи с немецким завоеванием. Можно лишь предполагать наличие единичных текстов на латышском языке в XIII—XV вв., которые по-

---

* Автор приносит глубокую благодарность редакции сборника „Knygotyra“ за приглашение опубликовать данную статью на его страницах, а также В. Жукасу за ценные указания по вопросам истории литовской книги.

являлись в тех случаях, когда завоевателям в религиозной пропаганде или административной деятельности приходилось считаться с отдельными группами латышей.

В XIII—XVI вв. в Латвии развивается средневековая немецко-латинская книжность — церковные, исторические, юридические рукописи. Первая известная книга, написанная на территории Латвии — «Ливонская хроника» Генриха Латвийского (1225—1227) на латинском языке, прославляющая «подвиги» агрессоров. С середины XV века появилась привозная печатная книга, и литературная жизнь прослойки колонизаторов, особенно в Риге, несколько активизировалась. Но в духовной сфере латышей немецко-латинская книга имела очень малое значение. Семантическая информация в среде латышских крепостных крестьян и горожан передавалась только устно, а поэтому носила частный, персональный, порой тайный (поверья) характер, художественную форму она приобретала в фольклоре.

Печатная книга на латышском языке, как и литовская, возникла в связи с реформацией. Первые известные книги появились в 1525 г., но до нашего времени не сохранились. Они были напечатаны в Германии параллельно на трех языках (один из них латышский, другой — эстонский). Эти книги были предназначены для привлечения латышского населения Риги к лютеранскому культу, т. е. на сторону реформации. По всей вероятности это была протестантская месса. Когда книги провозили через Любек, они были захвачены католическими властями и, по-видимому, уничтожены.

В это время реформация в Ливонии (Латвии и Эстонии) еще была направлена против феодального аппарата власти. Латышская книга зародилась по инициативе «снизу» (точнее — представителей интересов городского бюргерства). Поэтому первые известные книги на латышском языке следует рассматривать как прогрессивное явление и с политической точки зрения (хотя идеологи лютеранства не создали ни народной литературы, ни местных типографий, как было в других странах). Но в середине XVI века прибалтийско-немецкое лютеранское духовенство стало зависимым от дворянства и феодального государства. Вместе с этим поворотом и создаваемая пасторами латышская книга теряет антифеодальную тенденцию. (К этому времени относится «Катехизис» М. Мажвидаса 1547 г., в издании которого тоже известную роль играла государственная власть. Но реальное соотношение сил в этом случае было таково, что автором первой книги мог быть литовец, деятельность которого проникнута интересами народа, просветительскими устремлениями).

Типографское дело в Латвии начинается заметно позже, чем в Литве, — Рига была богатым торговым городом, но тогда находилась в стороне от культурных течений. Первую типографию в Риге открыл приглашенный из Антверпена голландец Н. Моллин в 1588 г. В Елгаве книгопечатание началось еще позже — в 1667 г. Тем самым типографская база латышской книги переместилась в Латвию. Своеобразно сложились до середины XVIII века экономико-юридические усло-

вия печатного дела в Латвии: капиталист — владелец типографии, печатающий за свой счет, поступает со своими средствами производства и эксплуатируемыми рабочими на службу и под охрану города, герцога, короля и подчиняется ряду ограничений, по существу феодальных. В Латвии не было таких частных периферийных типографий, как в Литве XVI века. Книга на латышском языке до середины XVIII века печаталась по заказу государственных или церковных властей, поэтому она отличается необыкновенно высокой степенью институционализации информации в целях социального контроля.

Известную роль в латышском книгопечатании играл Вильнюс — Д. Ленчицкий в 1585 г. напечатал иезуитский катехизис, долго считавшийся первой латышской книгой; впоследствии католическую книгу на латышском языке печатала Иезуитская академия, типографии других монашеских орденов, а в XIX веке — и частные печатники.

Убранство первых латышских изданий в основном выдержано в стиле барокко. Моллин пользовался привозными старыми клише гравюры по дереву. Укрепился готический шрифт (до 30-х гг. XX в.). Язык был далеким от устной речи народа, с множеством неправильностей, т. к. авторы были представителями других национальностей.

В первые сто лет (до 1625 г.) известно 8 латышских книг, в последующие 50 лет — около 10 (литовских книг в первое столетие до 1650 г. насчитывается свыше 50). В течение первого столетия своего существования латышская книга — тексты религиозных церемониалов — еще до народа не дошла, ею пользовались священники-немцы для громкого чтения перед латышами. Однако сама идея о необходимости печатать книги по-латышски была важным достижением. Начала действовать система «книга — латышское общество», а в рамках такой системы информация со временем приобретает специфическое качество — гласность: знание становится открытым, общедоступным, поэтому и объективным. Гласность многократно усиливает радиацию идей и дает возможность каждому новому поколению оттолкнуться от предыдущего. Книга становится важнейшим фактором в жизни общества. Особенно важно приобрести книгу на своем языке для угнетенных народов — она способствует сохранению его национального существования.

В XVII веке лютеранство укрепилось в двух из трех областей Латвии — в Видземе и Курземе. Если раньше книга на латышском языке участвовала в борьбе идей с целью привлечения людей к тому или иному вероисповеданию (за которыми стояли определенные политические силы), то теперь главной задачей книги по замыслу ее создателей стало коренное изменение сознания народа при помощи христианских догматов. В XVII веке на латышском языке была создана основная религиозная литература — лютеранские и католические сборники песнопений, молитвенники, катехизисы, сборники проповедей, наконец, перевод Библии (как вспомогательная отрасль — словари и грамматики латышского языка). Следует понимать, что это увеличение книжного потока в конечном итоге

было вызвано самими же крестьянами — оно явилось косвенным результатом их сопротивления эксплуатации.

В 30-х гг. XVII в. упорядочилось правописание по правилам немецкой орфографии. Развивался и язык книг (перевод Библии даже создал новые стилистические средства выражения), однако священники рассматривали его лишь как средство общения с низшими слоями и не разрабатывали его как язык литературный. В 30-х гг. XVIII в. появились иллюстрации анонимных местных мастеров; в них ярко проступают регламентирующие, дидактические стороны стиля барокко.

В латышской церковной литературе периода феодализма кроется внутреннее противоречие: объективная масса ее информации шире, чем данная программа — классовые замыслы «сильных мира сего». Книга всегда многомерна, в данном случае кроме измерений религиозных существовали и измерения, расширяющие мир читателя в пространстве и времени (историческая часть Библии), воспитывающие эстетическое чувство (песнопения), развивающие способность аргументированных суждений (проповеди), даже одобряющие социальный протест (библейские легенды). Аксиологический регулятор (ценностная ориентация) воспринимающего всегда из потока информации отбирает жизненно важное, полезное для себя, лишь эта часть информации приобретает для читателя личностный смысл. Подобным образом и из религиозной книги, когда она впоследствии дошла до народа, латышский читатель делал выводы, не совпадающие с намерениями инициаторов (авторов, издателей), а иногда и прямо противоположные им.

В последней трети XVII в. на латышское книжное дело стала оказывать влияние новая сила — шведская королевская власть (Видземе с 1621 г. принадлежала Швеции). Она вступила в конфликт с местными немецкими правящими кругами, стремясь в целях укрепления государственности реализовать политику элементарного образования крестьян. Для издания книг, нужных в этом деле, в Риге появилась вторая — «королевская» — типография (1675—1713, владеец ее — И. Фишер, руководитель — И. Г. Вилькен). Эта политика центральной власти была в большой мере иллюзорной, т. к. не было сделано главное — не было отменено крепостное право. Однако состязание двух лагерей привело к оживлению книжного дела. Если раньше песнопения выходили с интервалом в 30 и 13 лет, то теперь — через четыре—два года, а временами и ежегодно. Библия в 1685—1694 гг. была напечатана в 1500 экземплярах, из которых 800—900 приобрели крестьяне, заплатив за каждый по 4—5 талеров (цена за 500 кг ржи). В первой половине XVIII века тиражи возросли до 5000—8000 экземпляров.

В 1672 г. появилась первая книга, адресованная непосредственно латышскому читателю. В Риге уже существовало 8 латышских школ; с основанием несколько позднее сельских приходских школ в Видземе, можно считать, что ежегодно выпускалось свыше 1000 гра-

мотных латышей. Сначала обучение чтению и распространение книги велось в принудительном порядке.

Важнейшим итогом развития латышского книжного дела последней трети XVII в. было возникновение латышской массовой книги. Первыми массовыми изданиями были песнопения, катехизисы, молитвенники, а также азбуки (первая известная — в 80-х гг. XVII в.). Книга на латышском языке стала главной доходной статьей местных типографий, латышский читатель начал содержать книгопроизводство Латвии на свои средства.

Северная война и эпидемия чумы начала XVIII в. оказались катастрофой, затормозившей всю жизнь. В период регенерации усилилось влияние помещиков, а государственная власть не проявляла интереса к образованию крестьян. Типы латышских изданий перестали развиваться, стандартизировались. Через несколько десятилетий возобновился лишь количественный рост книжной продукции и распространение книги в народе. Всего за 1625—1755 гг. по латышски было напечатано 130—140 изданий.

Поскольку лютеранство было «господской верой», крестьяне сопротивлялись его насаждению, особенно потому, что ортодоксально настроенные пасторы признавали только механическое вдалбливание догматов катехизиса. Но в религиозную идеологию постепенно просачивались более гуманные пизтистские тенденции, что в какой-то мере способствовало изменению отношения латыша к книге.

Воссоздать облик читателя и картину чтения в прошлом можно лишь методом «зондирования» — подбором доступных сведений в направлениях, позволяющих делать обобщения, и достоверными домыслами восполнять пробелы между известными фактами. Репертуар чтения латыша в конце XVII и первой половине XVIII века определялся не только тематическим кругом изданий — религиозно-наставительная книга в то время вполне удовлетворяла широкие слои населения во всех европейских странах. Чтение латышей еще носило интенсивный характер (повторное возвращение к одному и тому же тексту). Но в 30-х—40-х гг. XVIII в. наблюдаются случаи, когда крестьянин вступает в полемику со священником, аргументируя почерпнутыми в книге доводами. В небольшой части народа меняется характер чтения — из церемониала оно становится средством воспитания внутреннего религиозного чувства и приобретения реальных знаний (Библия). Это люди, способные абстрагироваться от конкретного, житейского, психологически подключиться к сущностным категориям. Так как в Латвии христианство насаждалось в большой мере через книгу, т. е. в формах более закрытых, чем устное учение, оно для народа оставалось чем-то внешним, абстрактным, не сливалось с фольклором.

Раннее появление народной массовой книги и приобщение к ней читателей из низших слоев общества является, пожалуй, важнейшей особенностью латышского книжного дела периода феодализма.

После Северной войны, когда Видземе и Рига были присоединены к Российской империи, Польша, которой принадлежала Латгалия,

восточная часть Латвии, потеряла надежду на восстановление своей власти в Видземе и Курземе. Поэтому польские иезуиты с 30-х гг. XVIII в. начали печатать книги для Латгалии на латгальском наречии латинским шрифтом (антиквой). Таким образом обособилась латгальская книга. Она развивалась в том же направлении, что и литовская книга Литвы,— как католическая массовая печатная продукция для народа. Но она еще долго оставалась в узких рамках церемониала, отставая от книги Видземе и Курземе в социально-психологическом охвате.

В середине XVIII века в Латвии начинается кризис феодально-крепостнического строя, связанный со многими крестьянскими волнениями, приведший к отмене крепостного права в Курземе и Видземе в 1817—1819 гг. Издательства становятся все более и более капиталистическими предприятиями. Крупные фирмы принадлежат И. Ф. Гарткноху (Елгава, Рига, 1762—1798), И. Ф. Штеффенгагену (Елгава, с 1769), Ю. К. Д. Мюллеру (Рига, с 1789), В. Ф. Геккеру (Рига, с 1804). В сельских местностях Видземе работают три любительские типографии. Издатели начинают принимать в издание книги на латышском языке от частных лиц, внедряется понятие об авторском праве, авторский гонорар. Тем самым нарушается централизация инициативы в латышском книжном деле, однако это еще не значит перехода ее в руки других классов — авторами по-прежнему выступают священники.

В обстановке социального и психологического конфликта закончилось господство единой идеологии в книжном деле. В латышской книге появились многообразные идейные, интеллектуальные, эстетические течения.

Примерно из 700 названий — общей продукции 1755—1835 гг. — наибольшую часть составляла ортодоксальная стандартная религиозная книга, выпускаемая разовыми тиражами в 4000—20000 экз. Ее распространению способствовало не только давление со стороны пасторов, но и социально-психологические факторы в самой крестьянской среде. Обстановка распада феодально-патриархального уклада, становление отношений нового типа заставляли крестьян чувствовать себя не просто «людьми», а обществом, которое может существовать и бороться за свои права только как более или менее организованное целое. Единственная достаточно разработанная форма идеологии, доступная в то время крестьянам — централизованная монотенистическая религия, и в первую очередь — протестантство, требующее индивидуальную волю подчинять общественной необходимости. Религия являлась идеологическим аналогом процессам сплочения, обобществления жизни периода становления гражданского общества. С середины XVIII до середины XIX вв. наблюдается наивысший подъем религиозности в народе. Конкретные факты истории лютеранской книги свидетельствуют о том, что народ был не только объектом религиозной пропаганды, но и субъектом, способным самостоятельно выбирать формы идеологии.

В Видземе в это же время возникла рукописная книжность гернгутерских братских приходов — сотни авторов и переписчиков из самих крестьян, зачастую анонимные, создавали книги этого сектантского движения, преследуемого властями, привлекающего простых людей своим демократизмом и гуманностью. Это были тексты апокрифического уклона, песнопения, проповеди, биографии и автобиографии, летописи и истории приходов — первое проявление литературной активности латышских крестьян. «Герой» этой литературы отклоняет посредничество церкви, как бы приобщается сам к образу бога, т. е. к возвышенному, благородному в жизни. В гернгутерской книге осуществляется сильная интеграция индивидов в группу. Сугубо дидактические сочинения в какой то мере удовлетворяли и эстетические чувства читателей. Гернгутерская книжность подорвала монополию немецких правящих кругов в латышском книжном деле. На почве навыков письменности братских приходов возникла столетняя традиция рукописной политической антифеодальной публицистики, о которой речь пойдет дальше.

На несколько десятилетий в кругах прибалтийско-немецкой интеллигенции (т. е., главным образом, священников) перевес приобрела идеология рационализма, порожденная западноевропейским Просвещением. Ее основная идея — каждого человека, в том числе и крепостного крестьянина, можно сделать счастливым, дав ему знания, научив его жить разумно. Эту группу деятелей нельзя назвать просветителями: в главном — в отношении к крепостному строю — они оставались защитниками существующей системы эксплуатации. Все же их деятельность была прогрессивной. Следуя своему наивно оптимистическому идеалу, они написали и издали ряд книг художественных, практических (по сельскому хозяйству и медицине), учебников, календарей (первый — в Елгаве в 50-х гг. XVIII в.), периодических изданий (с 1768), научно-популярных работ (в т. ч. «Книгу высокой мудрости» Г. Ф. Стендера, 1774, — энциклопедию для крепостных, пропагандирующую гелиоцентризм и включающую философский трактат). Эти книги выходили тиражами начиная с нескольких сотен до 2000—3000 экземпляров. Рационалисты осуществили разделение духовного труда, они высвободили из под господства религии этическое, правовое, научное, художественное мышление, в книгу ввели теоретически-познавательную, технически-производственную информацию. Литературный труд они не считали больше вспомогательным трудом на службе церкви, а самостоятельной отраслью деятельности. Рационалисты стремились развивать личность, ее способность логического освоения мира, индивидуально-чувства. Выдвигая идеал разумной активной личности, они утверждали новый, по сути дела, буржуазный принцип. В какой то мере их деятельность можно сопоставить с типом деятельности лютеранских священников в Малой Литве данного времени. До художественной силы К. Донелайтиса латвийским рационалистам было очень далеко, но любопытно, что один из них опубликовал перевод фрагмента поэмы «Времена года» в 1822 и 1823 гг.

Интересно, что в книгах рационалистов тяжеловесное убранство в стиле барокко заменяется виньетками стиля рококо, которым в Западной Европе было отмечено торжество индивидуальной личности. Такой переход означал, в сущности, отказ от тона грубого приказа в беседе с крестьянином.

В противоположность рационалистам группа прибалтийско-немецких публицистов в своих немецких сочинениях требовала социальных изменений и даже отмены крепостного права (Г. Меркель). Но они считали невозможным в условиях крепостничества повышать уровень образования народа, поэтому по-латышски не писали. Их смелые мысли в латышскую печатную книгу проникнуть не могли. (Лишь владелец любительской типографии К. Гардер в своем «Видземском календаре» 1787—1790 гг. попытался привлечь внимание крестьян к тому обстоятельству, что закон сильнее самовластия помещика). Но комплекс антикрепостнических идей Г. Меркеля, осмысленный с позиций крестьянства, нашел выражение в рукописной книге крестьянина И. Пуланса «История латышского народа» (между 1800 и 1819 гг.) и впредь стал для рукописной публицистики прочной опорой в формулировке народных чаяний и программных тезисов.

Во время отмены крепостного права немецкое духовенство, в целях осуществления руководства латышским книжным делом, основало свое «Латышское литературное общество» (1824). Реакционные веяния в книге усилились. Но именно в эти годы происходит превращение художественной литературы в относительно независимую самоорганизующую систему — началось ее жанровое и типовое развитие (несколько переводов прогрессивных немецких сочинений циркулируют в сфере крестьянской рукописной книги, в печати появляются рассказы для юношества, переводы немецкой классической поэзии, сентиментальные стихи в виде листовок).

К 1800 году в Видземе и Курземе около 50% латышских крестьян были грамотными (эта цифра равна показателю грамотности, например, Германии того времени, однако там большинство грамотных состояло из представителей средних классов и прослоек). Латышские книги продавались в типографиях, переплетчиками, некоторыми книжными магазинами, в деревне — священниками, кюстерами. Цены на массовые издания ввиду монопольного положения издателей в несколько раз превышали себестоимость. Местами книг накопилось столько, что можно считать по экземпляру и больше на каждого грамотного. Круг потребителей книги расширился традицией громкого чтения перед неграмотными слушателями.

В больших количествах распространялась стандартная ортодоксальная религиозная литература, значительно меньше — светская рационалистическая книга (за некоторыми исключениями). Причина такой неравномерности — своеобразная «латвийская модель» становления гражданского общества. Юридические порядки периода крепостничества и первых десятилетий после его отмены способствовали одной стороне диалектического процесса — укреплению общ-

ности (что отразилось в ортодоксальной книге), но задерживали другую сторону — выделение индивидуальной личности из феодально-патриархального конгломерата, и рационалистическая книга доходила пока только до отдельных людей, поднявшихся выше «естественных связей». Однако эта прослойка выступает отчетливо. Гносеологическая структура этой небольшой части крестьянского общества из первичной стадии религиозного пафоса, миропонимания через религиозный образ переходит в стадию осознанного или неосознанного рационального самосовершенствования. Чтение у нее становится экстенсивным (стремление знакомиться с неизвестными текстами), приобретает новые функции — помощь в повседневной жизни (практические пособия), приток новой информации как средства формирования ценностной ориентации, решений, социальных прогнозов (повествовательная книга).

В 30-х, 40-х и первой половине 50-х гг. XIX в. зарождается латышское буржуазное общество. Из среды молодой буржуазии (богатые дворохозяева, лесничие, купцы, управляющие и т. д.) выходят первые литераторы-латыши, проявившие инициативу в издании собственных книг (первый случай — К. Кактиньш в 1835 г.). Сформировались авторские группировки, началась литературная жизнь латышей. Наряду с некоторыми религиозными и практическими книгами, новаторскими учебниками (первый — «Радость детям» А. Спагиса, 1844), научно-популярным энциклопедическим сборником А. Шууманиса «Мир и многое из того, что в мире находится» (1852—1860), их деятельность развиваться главным образом в области переводов беллетристики (А. Лейтанс и др.). Произведения художественной литературы составляли около 13% общего количества названий, ведущую роль здесь заняли латышские литераторы. Это не были выдающиеся классические произведения, а репертуар немецкой «народной книги», уходящей корнями к западноевропейской интернациональной средневековой и более поздней литературе горожан и крестьян (например, повесть «Графиня Женевьева»). Повести раскрывали картину организованного гражданского общества, знакомили читателей с общеевропейской цивилизацией, сообщали им новые для них сведения о социальных и психологических структурах. В раннекапиталистическом обществе усиливалась тенденция книги быть «полезной», читателям нравилось морализирование в тексте. А сентиментальность была закономерной формой видения окружающей действительности в то время, когда люди болезненно переживали столкновения личности с круговоротом новых социальных отношений. Популярные повести приобщали к чтению ранее пассивные массы. Читали обыкновенно коллективно, вслух перед домашними и соседями. Чтение без какого-либо внешнего давления способствовало воздействию текста на установившиеся воспринимающих.

В год на 1 миллион населения Латвии выходило приблизительно 28 названий (в Литве — около 10, в России — около 13, в Германии — около 200; в странах, где книгой пользовалась преимущественно интеллигенция, печатная продукция отличалась от латышской

крестьянской относительно небольшими тиражами на большее количество названий). За 1835—1855 гг. было издано около 600 книг. Повести, учебники издавались повторно, каждый раз по несколько тысяч экземпляров. Разовый тираж календарей достигал 13—14 тыс.

Возникла новая форма книжной торговли — сеть комиссионеров и перепродавцов. За несколько десятилетий книга стала значительно дешевле. Цена учебника или повести равнялась стоимости 1,5—2 фунтов масла.

Светская книга в жизни крестьянина стала всеобщей необходимостью, она сняла с печатного произведения ореол святости. Теперь книжную продукцию посредством экономических рычагов спроса стали определять непосредственно сами читатели «снизу». Внедрение книги в повседневную жизнь крестьянина сопровождалось расцветом народного переплетного искусства.

Книга, читаемая «всеми», создает новую категорию потребителей — читающую публику, которую объединяют общественное мнение по вопросам, затронутым книгой, литературные вкусы, постоянный интерес к чтению. Такая читающая публика у латышей зародилась в 40-х гг. XIX в. Читающая публика — необходимая предпосылка становления в дальнейшем национальной литературы и публицистики.

Ряд латышских авторов сформулировал свои взгляды на назначение книги. В неограниченном доступе к знаниям они видят средство продвижения «самого бедного мальчика» к высокому общественному положению. Незаметно для себя они полемизируют с немецкими кругами, которые старались ограничить образование крестьян. Контроль немецко-дворянской администрации еще был слишком сильным, материальные условия не позволяли еще латышским авторам приобрести высшее образование. Поэтому в латышском книжном деле еще отсутствует патриотическая агитация, а также научная деятельность на основе национально-патриотической идеологии, какую в Литве проводили воспитанники Вильнюсского университета — литовцы. Зато появился ряд рукописных книг авторов молодой интеллигенции, каждая из которых стремилась решать тот или иной наболевший общественный вопрос. Ограниченная экзemplарность рукописей не позволила этим произведениям выполнять функции общенациональной публицистики. Но литературная жизнь латышей подошла вплотную к качественно новой ступени.

Ярчайшие вспышки в истории латышской книги периода феодализма связаны с моментами усиленного проявления антифеодальных тенденций. Все положительное в книге за эти долгие столетия возникало, если всмотреться глубже, как результат объективных жизненных потребностей латышского общества. Но пока не сложилась общность высшей формы — нация, латышская книга еще не в состоянии была решать центральные, важнейшие проблемы существования народа. Период до середины 50-х гг. XIX в. — период донациональной латышской книги.

С середины до конца XIX века латышская книга ускоренным темпом прошла отрезок развития, соответствующий общеидеологическому развитию с момента зарождения буржуазного общества до проявления с достаточной ясностью социалистического мировоззрения. В странах с историей «нормального» типа развитие книжного дела аналогичного этапа начинается с книги для социальных и культурных «верхов» и постепенно спускается до книги для низших слоев. В Латвии же оно началось с народной книги и постепенно, с большими трудностями, в значительной степени за счет самоотверженного энтузиазма деятелей книги, развивалось к высшим формам. В этом основная особенность истории латышской книги во второй половине XIX века.

С победой капиталистических отношений в середине XIX в. сформировалась латышская нация, началась национальная жизнь латышей. Возникло национальное движение, ставшее на ближайшие годы главной осью общественной жизни. Основная функция книги в обществе, ее «сверхзадача» — социализация личности. Книга ее выполняет, интернализируя ценности социальной системы, т. е. превращая их в глубоко личностные ценности для индивида. Если до сих пор социальными системами, в которые книга таким путем вводила читателя, были семья, дворохозяйство, приход, волость, крестьянское сословие, то теперь книга должна была его вводить в систему нации со сложными межгрупповыми, межсословными, межклассовыми, межнациональными отношениями в разных областях — политической, экономической, культурной, эстетической, моральной.

Такие задачи может выполнить только книга более высокого типа. Ее мы и называем национальной. Национальная книга, в первую очередь ее ядро, отражает и решает важнейшие социальные и духовные проблемы общества (в момент становления это ядро борется за освобождение и равноправие народа), формирует общественные идеи, служит общенациональным политическим, социальным, культурным нуждам. Только в книге такого типа может вернуться борьба двух культур — эксплуататоров и эксплуатируемых, — имеющихся в каждой национальной культуре. Национальная книга становится общим достоянием нации, хранит и развивает ее духовные ценности, предоставляет их другим народам, суверенно аккумулирует влияния и духовные богатства других народов. Обязательная предпосылка создания такой книги — издательское дело должно находиться в руках представителей самой нации.

Во второй половине 50-х и первой половине 60-х гг. выпуск латышских книг удвоился (всего около 600 названий), но издательства, типографии и книжные магазины Латвии (в т. ч. новые предприятия Г. А. Рейера и Э. Платеса) все еще принадлежали представителям местной немецкой буржуазии. Работало 7—8 типографий, в Риге было 7—10 книжных лавок, еще несколько — в других городах.

На пути создания латышской национальной книги стояли серьезные трудности — местные издатели не брались за выпуск книг, критические затрагивающих широкие культурно-политические про-

блемы, фронт священников ополчился против первых изданий такого типа. Создателями ядра латышской национальной книги были младолатыши — студенты Тартуского университета и их сподвижники, начинатели национального движения, деятели универсального типа. Они требовали свободного экономического и культурного развития. К опыту мировой литературы, опыту общественно-философской мысли они обращались без посредничества прибалтийских немцев. В 50-х гг. группа младолатышей во главе с Ю. Алуансом пыталась создать свое издательство. Однако часть запланированных изданий не была пропущена цензурой, не доставало и материальных средств. Студенты выпустили несколько книг, начиная со сборника стихов Алуанса «Песенки» (1856). Этим сборником автор пытался доказать равноправие латышей в культурном отношении с другими народами. «Песенки» положили начало латышской классической литературе. В книгоиздательской деятельности младолатышей, направленной на пробуждение самосознания народа, много типологического сходства с начинаниями чешских «будителей» (издательство «Чешская экспедиция» В. Крамериуса, 1790—1824), в некоторой мере с изданиями Ученого эстонского общества 40-х гг.

Своими изданиями младолатыши обращались к широчайшим слоям, но студенты переоценили образовательный уровень масс — в то время их читала лишь наиболее интеллигентная часть народа, и достоянием масс их работы стали только в последующие десятилетия.

В рецензиях и полемике младолатыши разработали программу развития книжного дела, на первое место ставя познавательную книгу. Они ясно осознали задачу создания высших форм книги; развитое книжное дело они считали средством как духовной, так и социальной эмансипации не только отдельных индивидов, но и всего народа. Таким образом появилось сознание особой роли информации в практике социальной системы, сознание необходимое для регуляции процессов на высшем уровне. В начале 60-х гг. младолатыши и их сподвижники пытались организовать центр национального книгоиздательства на общественных началах по образцу подобных центров других небольших народов, начавших развитие после длительной задержки («Матице» в Чехии и южнославянских странах, Ученое эстонское общество в Тарту). Но учреждению такого общества помешали происки немецкой реакции.

В 50-х—60-х гг. в латышской книге происходит дифференциация ее общественных функций (аналогичный процесс литовская книга переживает в 80-х гг.). Одновременно с младолатышами работало несколько десятков авторов из латышской средней интеллигенции — народные учителя, мелкие служащие. Их книги издавались местными немецкими фирмами. Эти литераторы выдержали соревнование с авторами из лагеря реакционного немецкого духовенства в области учебной, научно-популярной литературы, беллетристики. Беллетристика, как и раньше, была почти исключительно переводной с немецкого языка. Ее прежний нормативно-дидактический характер постепенно все больше заменялся задачами чисто беллетри-

стическими, нейтрализующими напряжения в отношениях личности с обществом, ощущения удрученности. Излюбленными стали сентиментальные песенники. Художественное сознание общества находилось на перепутьи. Лишь самые передовые люди начали ощущать необходимость в подлинно художественных образах — эстетических ступках глубинных процессов жизни. Огромные пласты общественного сознания еще нуждались в объяснении происходящего на поверхности, хотя уже не могли довольствоваться одной чувственно-дейательной объективностью фольклора. Популярная беллетристика и песенники приучали широкие слои к мирозерцанию через новые — литературные — средства.

События, связанные с польским восстанием 1863 года, исключили из ускоренного развития Латгалию, где проживало 20—30% всех латышей. После отмены крепостного права (1861 г.) новыми изданиями рационалистического типа в латгальской книге была создана платформа, на которой впредь могли бы развиваться прогрессивные идеи и формы. Но поступательное движение было быстро прервано запретом латинского шрифта для Латгалии в 1865 г. На деле это превратилось в полный запрет латгальской книги (немногочисленные издания кириллического шрифта латгальцы не читали), который длился до 1904 г. В отличие от аналогичной ситуации в Литве, у латгальцев не было соотечественников, проживающих вне царской империи, которые могли бы их снабжать книгой. Несколько десятков изданий по-латгальски выпустили знакомые литовским книговедам печатники Восточной Пруссии, эти книги транспортировались в Латгалию при помощи литовских книгонош. Но это была лишь самая примитивная литература — молитвенники и азбуки. В Латгалии возникла анахроническая рукописная книжность — религиозные, практические, художественные тексты. Переписчики (А. Юрдж и др.) сочиняли и сами. Таким образом, в Латгалии, в отличие от Видземе и Курземе, письменная художественная литература зародилась в народе, была близка его психологии. У реконструируемого типа латгальского читателя рукописной книги художественное восприятие мира еще не отделено от практического. Рукопись не могла обеспечить публичности, необходимой для развития к высшим формам литературной и научной мысли, поэтому Латгалия вновь и еще сильнее прежнего отстала от остальных частей Латвии.

Появление жизнеспособных профессиональных латышских издательств задержалось на десятилетие. Первые профессиональные издатели-латыши — Г. Алуанс (брат Ю. Алуанса), К. Стальберг начали работу в 1867 г., позднее к ним присоединились Э. Зислак, Пуцишу Федертс и др. Ввиду сложившейся конкретной обстановки и в последующее время не удавалось создать общественного идейного центра книгоиздательства. Таким образом, на несколько десятилетий, до середины 80-х гг., господствующей стала никем не обузданная частнокапиталистическая стихия.

Латышский читатель отличался низкой покупательной способностью. Молодые латышские издательства были еще экономически

слабыми. Характерно, что они обычно объединялись с типографией и книжным магазином. Но издатели-латыши, в основном враждебно настроенные против немецкого дворянства и духовенства, переняли всю идейно значимую латышскую литературу. С началом деятельности латышских издателей латышская книга окончательно освободилась от опеки влиятельных реакционных немецких кругов, но попала в другую зависимость — от коммерческих принципов. На передний план выступили новые противоречия — борьба идейных и коммерческих тенденций. Охарактеризованная выше обстановка для отстаивания идейных тенденций в книжном деле была крайне неблагоприятной.

Типографская база до конца века оставалась преимущественно в руках немецкой буржуазии. Однако отношения между издателями и владельцами типографий уже были чисто коммерческими, поэтому последние больше не влияли на состав латышской книжной продукции. К концу века в Латвии одна типография была на 27 тыс. жителей (в России — на 80 тыс., в Германии — на 7—8 тыс.).

Напротив, книжная торговля быстро перешла в руки латышской буржуазии, так как требовала меньших капиталовложений. Книжная торговля Латвии 2-й половины XIX в. отличается слабой организованностью, низким профессиональным уровнем. В конце века в Латвии один магазин приходится на 11—13 тыс. населения (в России — на 40 тыс., в Германии — на 5 тыс.). Пользуясь разрешением «уличной торговли», книгоноши распространяли в городах и сельских местностях (в частности, на ярмарках) главным образом низкокачественную литературу.

Первые библиотеки для латышей появились в начале XIX века, а сами латыши впервые организовали библиотеку в 1848 г. В 80-х гг. число народных библиотек приближалось к 60. Так как они сталкивались с финансовыми затруднениями и недоброжелательностью администрации, то увеличилось количество платных библиотек для чтения при книжных магазинах.

Книги больше накапливались в домах дворохозяев, ремесленников, но культурно-образовательная деятельность сельской буржуазии и интеллигенции (школы, библиотеки, лекции, театральные спектакли), а также широко распространенная газета прививали жажду к чтению и широким массам.

Структура общества и социально-психологическая атмосфера в 70-х—80-х гг. отличались крайней неоднородностью. Патриархальный уклад жизни сосуществовал с капиталистической погоней за наживой, мельчание духовных интересов — с глубоким уважением части населения к образованию, с высокими устремлениями интеллигенции к просвещению народа и неугасшими еще идеалами национального движения. В книжной продукции также перекрецивались диаметрально противоположные тенденции.

В 70-х—80-х гг. очень быстро формировались новые авторские кадры, главным образом из сельской средней интеллигенции. Среди них появились первые специалисты. Главную задачу книги обще-

ство теперь видело не в социальной борьбе, а в пополнении образования читателя. Но возникла и характерная для капитализма категория авторов, пишущих не по внутреннему влечению или идейным убеждениям, а в целях заработка, по заказу издателей.

За 1867—1885 гг. на латышском языке было издано около 2300 книг.

До 80-х гг. реакционное немецкое духовенство, потерявшее возможность руководить всем латышским книжным делом, старалось еще удерживать в своих руках «командные высоты» национальной культуры — научную народоведческую книгу о латышах. Однако молодые латышские языковеды, историки, фольклористы вынуждали священников отдавать позицию за позицией. На фольклор в то время смотрели главным образом как на исторический памятник, опровергающий теории о неполноценности народа в культурном отношении. Первые фольклористы-латыши обращались к русскому читателю, но их издания одновременно ввели фольклор в общенациональное сознание самих латышей. А для следующих поколений естественное единство человека с его окружением, выражаемое очаровательной поэтичностью фольклора, стало уже осознанной эстетической ценностью.

Учебная литература полностью перешла в руки прогрессивной латышской интеллигенции. Учебник до русификации школы, до 90-х гг., становится одной из важнейших книг, что связано с возрастанием общественной значимости школьного обучения, стремлением широких масс при помощи образования «выбиться вверх». Назначение ведущего учебника — книги для первоначального чтения — расширяется: к функции сообщения знаний и нравственного воспитания теперь присоединяется функция воспитания всесторонней духовной жизни, в т. ч. эстетического чувства. Учебники способствовали дальнейшему формированию читающей публики. В тогдашнем быту между моментами чтения книг оставались значительные промежутки времени монотонного труда, используемые для продумывания прочитанного; поэтому информация книг и, в частности, учебников могла иметь относительно большое воздействие на воззрения и установки личности.

Публичное образование, занявшее теперь место домашнего обучения, в свою очередь влекло за собой интерес к научно-популярной литературе, которая с 70-х гг. превращается в непрерывный поток со своими традициями и преемственностью. Научно-популярная книга не подчинялась надзору реакционного руководства школой, поэтому в ней прогрессивные идеи проявлялись свободнее. Так как не было ни латышских научных, ни высших учебных заведений, то зачатки качественно новой — научной — литературы (понятия, терминология, стиль, логическая структура, типы публикаций, научные методы мышления) зарождались стихийно в народоведческих изданиях (продолжающиеся сборники, собрания фольклора), в учебниках и научно-популярной книге.

В области художественной литературы в 70-х гг. наблюдается сознательная дифференциация читательского назначения, что связано с усиленным расслоением молодого латышского буржуазного общества. В его гносеологической структуре теперь отчетливо проявляется высшая ступень — миропонимание через эстетическое переживание, эстетическую оценку, эстетический идеал. Ценная оригинальная книга, сохранившая за собой художественно-идейную часть ранее нерасчлененного комплекса функций литературы, читалась этой, главным образом, более интеллигентной частью общества. Однако это были уже значительно более широкие слои, чем во времена младолатышской. Меньше распространялась книга сложной эстетики национального романтизма (Аусеклис, А. Пумпурс и др.), где образ воплощает идеал прямо или через проекцию на фон идеализированного прошлого, но идеал далекий, обобщенный. Больше читали сочинения реалистов — прозаиков и поэтов (братья Каудзите и др.) — с менее претенциозными критериями, раскрывающие идеал через изображение близкого. Вскоре литературные приемы романтиков отделились от идейного содержания — появились и зародыши эстетствующей «литературы ради литературы», но для нее еще не хватало читательской элиты, и она быстро сошла со сцены. В результате энтузиазма переводчиков и издателей начала появляться переводная классика. На первых порах отбирались просто прославленные творения писателей прошлого (Ф. Шиллер, И. В. Гёте, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов). Если в 60-х гг. за подлинную литературу еще приходилось бороться, то к 80-м гг. она уже стала самостоятельной действующей активной силой.

Одновременно в 70-х гг. произошел взрыв тривиальной литературы (она составила больше половины общего тиража всей книжной продукции). Этой книгой пользовались самые широкие массы. В Латвии приобрели известность все виды и жанры «чтива» западно-европейского малоразвитого читателя из мелкобуржуазной и пролетарской среды — объемистые «романы в тетрадах», приключенческие сочинения, песенники и песенные листовки, театральные пьесы легкого содержания, советы поведения, письмовники, гадалые книги, масса календарей. Эта сублитература утратила последние остатки идейного ядра популярной книги предшествующих десятилетий, переняв лишь ее развлекательную функцию. Но ее «герои» стали более реальными существами, с определенной социальной принадлежностью. Социальная основа взрыва тривиальной литературы — особенности психики и пошатнувшаяся система ценностей «первого поколения» после перехода из аграрного общества в индустриальное: увлечение внешностью городского быта, утрата творческого отношения к жизни и довольствие шаблонным суррогатом информации, тяга к замене утраченных возможностей иллюзорной активностью, утраченных естественных источников радости — чужим переживанием. Развлекательное чтиво предлагает модели или интерпретации нового опыта, субъективно восполняет «вакуум» общения, компенсирует чувство отчуждения мнимой ясностью и надежностью

изображаемых отношений. Тривиальная литература, исключая дистанцию между читателем и текстом, рефлектирующее отношение к тексту, влечет за собой стандартизацию и обеднение личности, тормозит пробуждение сознательности, желание начать внутренний диалог с автором. В то же время в конкретных условиях Латвии прошлого века, она все же являлась препятствием на пути реакционной конформистской идеологии, навязанной апробированной системы ценностей в гущу народных масс.

В кризисной ситуации тех лет, когда прежние нормы теряли силу всеобщности, росла потребность в общении. Люди искали ее удовлетворения и в книге, на первых порах не делая различий между хорошими и низкогокачественными сочинениями и лишь постепенно нащупывая путь вглубь.

Латышская книга второй половины XIX века имела скромный внешний вид, ибо на нем очень отразилась низкая покупательная способность читателей, а также упадок книжного искусства во всем мире. Иллюстрации торцовой гравюры или литографии носили утилитарный, поясняющий или рекламный характер. Начали работу первые латышские графики К. Кронвалдс, М. Бушс, Э. М. Якобсон. В их творчестве, наряду с репродукциями произведений других художников, нашла отражение и местная тематика, пейзаж, люди. Излюбленной была карикатура (общественно-сатирическая, бытовая). Скромные книжные иллюстрации для широкой читающей публики замещали подлинное искусство. К концу века качество полиграфического исполнения книги улучшилось. Новое поколение художников — Р. Зариньш, А. Бауманис — внесло больше профессиональности. Они пытались глубже всмотреться в психологию народа, в характер пейзажа, придать книге «лицо». Оформление стало выражать новое — художественное — отношение к книге, служить эстетическому переживанию читателя. Таким образом подготовлено рождение в первые годы XX века подлинного книжного искусства.

Огромно значение книги в развитии языка. На страницах книг укреплялись одни лексические, грамматические нормы, исчезали из практики другие. Печатное слово нивелировало особенности говоров и наречий, унифицировало языковое мышление. Авторы искали образцы не в писаниях немецких священников предыдущих десятилетий, а в живом народном языке и фольклоре, возвышали их до литературных норм. К 90-м гг. оформился современный латышский национальный литературный язык.

С первого издания младолатышей острой проблемой стала необходимость перехода к новой орфографии и латинскому шрифту. К 80-м годам эта необходимость стала общепризнанной в среде интеллигенции, были разработаны принципы нового правописания, в котором использовались и достижения в этой области литовских ученых. Новая орфография была более экономным средством передачи информации. Однако удалось осуществить лишь несколько частных улучшений. Препятствия на пути реформы — прямое сопротивление со стороны реакционных руководителей народного

образования, нежелание владельцев типографий менять печатную технику, консервативность широких масс в вопросах правописания, отсутствие указаний законодательного порядка со стороны государства.

В период 60-х—80-х гг. наблюдается количественно наибольший рост книжной продукции, бурное разветвление тематики, однако в этот период книжное дело шло не во главе общественного развития, а больше — вслед за ним. Восхождение к высшим формам книжного дела проходило стихийно. Господство частнокапиталистической стихии наступило в то время, когда идейность в книжном деле еще только наметилась, но не стала незыблемой традицией. Действие книги проявлялось больше вширь, чем вглубь, книга подготавливала почву для сильного воздействия политических, художественных, философских идей последующего периода.

К 90-м гг. в обществе и в книжном деле стало отчетливо проявляться противоречие между классовыми интересами самого буржуазного общества — противоречия пролетарской и буржуазной идеологии. Прогрессивная интеллигенция включилась в движение «Нового течения», которое сначала имело общедемократический характер, а впоследствии стало представлять интересы пролетариата и пропагандировать марксизм. Новотеченцы (П. Стучка) в своих статьях отстаивали принципы идейности книжного дела и организованности его на основе общественной инициативы. Эти принципы были осознаны и другими общественными группировками. Все сильнее чувствовалась заинтересованность общества в улучшении чтения большей своей части — низших слоев, в планомерном руководстве книжным делом. Признавалась необходимость противостоять потоку низкопробного чтения и торгашескому подходу к издательскому делу.

Укреплению принципа идейности и организованности способствовало вступление в жизнь «второго поколения» во всех классах и прослойках. «Первое поколение» еще «устраивается в жизни». Порвав с нормами прежнего быта, оно еще не успело создать нового стиля жизни. У «второго» же поколения определяется более стабильная ориентация в отношении этических и эстетических ценностей, его культурные интересы глубже. Это люди, желающие осмыслить свое естественное и общественное существование. В идейных тенденциях книжного дела проявлялись системные обратные связи высшего типа — самосознание общества.

Поступательному движению книжного дела с середины XIX века препятствовала деятельность цензуры. Ее давление усилилось к концу века. Она перешла от гонений на литературу национально-патриотической тематики к преследованию произведений с отклонениями от официальной идеологии и вытравливанию социалистических тенденций.

В течение последних 15 лет века на 2 миллиона латышского населения существовало в разное время около 100 издательств и издателей, в большинстве своем мелких. Даже самые значительные из них почти не имели еще редакционно-издательского аппарата, не

практиковали крупных капиталовложений, выпускали не более 10—20 книг в год. Все же новая обстановка изменила характер издательской деятельности. Появился ряд общественных издательств, работающих с определенными целями, например, Отдел полезных книг при Рижском Латышском обществе (с 1886), «Лиепайские переводчики иностранных писателей» (1893—1906). Среди них были и издательские кружки и общества новотеченцев (1889—1897), издательское начинание социал-демократов за границей (с 1898). Ведущие частные издатели — Я. Озол, А. Рейнбергс, К. Е. Зихманис, Е. Дравниекс, Л. Нейманис, Я. Бригадерс и др. — также отличались определенной культурной программой, идеей, принципом, положенными в основу деятельности. Вокруг издательств уже создавались покупательские круги из «второго поколения» с дифференцированными запросами и вкусами, способные содержать литературу, которая отвечала их общественным настроениям, эстетическим требованиям. Выдающиеся литераторы уже могли прожить своим литературным трудом. Так, посредством механизма общественных начинаний и группировок клиентелы вокруг издательств, сильно возросло регулирующее влияние общества на издательское дело, а одновременно — и роль взглядов и личности издателей.

За 15 лет было издано свыше 3500 книг. Латышская книга по абсолютным цифрам выдвинулась на 4-е—5-е место в России. К концу века выходило до 160 названий на 1 миллион населения в год (в Западной Европе в среднем 210—220 назв., в Англии — 142, в России — 86, в США — 70, в Австро-Венгрии — 7), более 0,5 экземпляра на душу населения.

С резким сокращением учебных изданий возросла роль научно-популярной книги, которая стала одной из ведущих отраслей (до 10 % общего количества названий; тиражи — 2000—3000 экземпляров с тенденцией увеличения к концу периода до 5000). Ее издавали, главным образом, бесприбыльные издательства в своих идейных целях, в ней преобладало материалистическое понимание развития общества. Политическая же литература могла появляться только нелегально (рукописи в кружках, гектографированные книги, зарубежные социал-демократические издания, например, «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, 1900). Одна из ярчайших страниц эпохи — оживление традиции энциклопедических сборников. Их составляли студенческие и другие кружки. На их страницах протекала борьба (одновременно и уяснение) буржуазной идеологии и новых, главным образом, марксистских идей. Новые духовные течения эпохи наиболее ярко фиксируются в сборнике новотеченцев «Ларец» (1891—1897). Появилась первая энциклопедия современного типа — «Энциклопедический словарь» Е. Дравниекса (1891—1898). Эклектичный в общественно-идейном смысле, он все же содержал богатую и ценную информацию. Хотя словарь не был закончен, он доказал, что общество уже нуждалось в особом инструменте практической и теоретической деятельности — в справочной литературе.

Дальнейшее развитие научной литературы шло в направлении народоведения (ученые латыши, специалисты по точным наукам, вынуждены были работать в научных учреждениях других народов и публиковаться на других языках). Как результат долголетней работы появились крупнейшие собрания фольклора, которые легли в основу ряда наук, например, «Латышские народные песни» К. Баронса (1894—1915, в 8 томах, 218 тыс. песен, свыше 900 собирателей). Это книги, как бы излучающие культурно-историческую ценность сквозь десятилетия и века. Однако выпуск таких изданий частным издателям был не под силу («Латышские народные песни», начиная со 2-го тома, выходили как издание Петербургской Академии наук). Народоведческие издания были необходимыми для полноценной национальной жизни. Однако, у небольшого народа кадров ученых, потребителей научной информации,— было недостаточно, чтобы на собственные средства содержать научную книгу на своем языке, тем более в такой ранний период развития общества. Поэтому латышская научная книга тех лет, как правило, имела более широкий читательский профиль (фольклор, «Энциклопедический словарь»).

Научно-популярная и научная литература последнего десятилетия XIX века поднялась на более высокую ступень, ее авторы более рельефно видели перед собой адресата — человека, желающего серьезно «работать головой». Эта книга открывала латышскому читателю не только ценность знания, но и особую привлекательность самого акта мышления, приобщала его к набирающему силы всечеловеческому процессу «узнания» истины. Эта книга способствовала внедрению трезвых, научных, как в то время выражались — «реалистических» взглядов.

В области художественной литературы (40 % названий, тиражи прозы — 2000—3000 экземпляров, поэзии и драматургии — 1000—2000 экз.) рос удельный вес оригинальных произведений. Отдельными изданиями выходили, главным образом, работы признанных мастеров той эпохи; оригинальная классика и произведения молодых авторов еще встречались с затруднениями материального порядка. Восторжествовал реализм (Р. Блауманис, Я. Порук и др.), т. к. брожение в обществе постепенно уступало место большей стабильности жизненного уклада. Но привлекательность реализма для широких слоев читателей заключается и в том, что он вводит в «освещенную» литературу простое, обыденное и тем самым дает рядовому человеку ощущение общечеловеческой значимости его существования. Возросло количество переводной классики, но особенно — современной русской и западной проблемной литературы. Характерная черта — интерес к писателям небольших или молодых литератур. Выбор переводов, следовательно, все больше определялся близостью текста к жизненным интересам читателей. Переводы вообще способствуют осознанию относительности принятых ценностей. Знакомство с наиболее популярными авторами и работами (Ф. Достоевский, Л. Толстой, Г. Сенкевич, Г. Зудерманн, Г. Ибсен, Г. Гаупт-

манн) показывает, что в те годы одна из главных проблем, занимающих читателя — самоутверждение личности, ее право на выбор своей собственной системы ценностей, давление же «повернутого вверх ногами мира» (отчуждение общественных отношений от личности) пока еще ощущалось не так остро.

Особое место заняли собрания сочинений (первое — Аусеклиса, 1888), антологии, серийные издания, альманахи (первый альманах латышской литературы — «Новый урожай», с 1898). Их выпускали, главным образом, общественные издательства и Я. Озолс. В этих изданиях читатель знакомился с латышской классикой, новейшими произведениями (в т. ч. и молодых авторов), современной литературой других народов. Появление многих изданий подобного, «организованного» типа свидетельствует о том, что несмотря на отсутствие уроков литературы в школьной программе, у части читателей выработалось новое, опосредованное отношение к литературе — интерес к личности автора и его художественному облику, к самому протеканию литературного процесса. Одновременно «организованные» типы изданий своими ретроспективными, информативными, стимулирующими функциями действовали на литературный процесс, через них проявлялась новая роль издательства как движущей силы литературной жизни.

В 90-е гг. латыши уже были народом сплошной грамотности. Но, с другой стороны, не было еще достаточно широкой и достаточно обособленной зажиточной прослойки буржуазной интеллигенции со старыми культурными и литературными традициями, которая могла бы содержать свою «интеллигентскую» книгу. Поэтому в течение всей второй половины XIX века главный адресат латышской книги — демократические слои, в чтение были вовлечены самые широкие массы.

Читающую публику к концу века заменило многослойное читающее общество с разным отношением к книге в разных социальных группах, с разными читательскими типами, разными функциями чтения. Ценная в идейном и информационном смысле книга отовоевала у старой, религиозной и тривиальной, все новые слои населения. Продвижению подлинно художественной литературы способствовали учителя — народные идеологи, литературные кружки в школах. Молодое поколение увлеклось идеей самообразования, с этой целью прибегало к научно-популярным изданиям. Медленнее расходились энциклопедия, сборники фольклора, собрания сочинений (они были и дороже других книг). Место коллективного чтения в народе все больше занимало индивидуальное. Среди более интеллигентных читателей появилась тяга к современной философской и социологической литературе на других языках, в т. ч. и к социалистической (кружки новотеченцев, молодежи, рабочих). Наиболее интенсивно новую информацию усваивали студенты. Социокультурная среда конца века способствовала росту престижа чтения. Вследствие этого повысилась степень причастия читательского «я» к ценной книге, она через механизм накопления и наслоения эмоциональных импуль-

сов сильнее влияла на читателей, развивала у них контролирующее отношение к окружающей действительности.

В течение второй половины XIX века книга должна была выполнять и задачи отсутствующих учреждений и запоздавших отраслей культурной жизни. В качестве движущих сил выступали как социальная психология, влияющая на стихийную игру спроса и предложения, так и высшие формы общественного сознания — общественная мысль, мировоззрение. Именно последние, усилившиеся в 90-х гг., раскрывали перспективу дальнейшего развития. В последние десятилетия века латышская книга обслуживала многогранную разветвленную общественную жизнь и формирующуюся современную личность, для которой характерна глубоко индивидуальная, личная проблематика.

К рубежу XIX и XX веков латышское общество преодолело вековую отсталость в идеологическом развитии и поравнялось с другими странами. Именно книга послужила важным связующим средством с современными социальными, научными, психологическими, моральными, художественными проблемами мира, которые теперь стали жизненно важными и для Латвии.

Так латышская книга достигла зрелости, подошла к порогу полноценного универсального развития, начавшегося с первых лет XX века.
